

ФЕНОМЕН ДЕСАКРАЛИЗАЦИИ БЕЗУМИЯ

Каменева К.В.

Научный руководитель канд. филос. наук Круглова И.Н.

Сибирский федеральный университет

«Быть может, когда исчезнет диспозиция
Нашего современного мышления,
Человек исчезнет, как исчезает лицо,
Начертанное на прибрежном песке» [1]

Феномен безумия красной нитью проходит через всю историю развития общества и отдельного индивида, как неотъемлемой его части. Но особое звучание эта проблема приобретает на современном этапе развития, когда резко встает вопрос о «пределах нормы», границах человеческой личности. Вряд ли покажется противоречивым то утверждение, что современное общество находится в состоянии определенного смыслового сдвига, все, что знакомо человечеству наделяется новым, непредсказуемым, таинственным содержанием. Как результат подобного смыслового сдвига мы можем наблюдать своего рода антропологический кризис, человек неизбежно сталкивается лицом к лицу с собственной, бессознательной «инаковостью», нетождественностью, теми нераскрытыми началами, которые позволяют постичь новые смыслы, но выводят его за границы «нормы» (психологической, социальной), что и рассматривается как безумие. «Нет ни одной культуры в мире, где было бы все позволено, Давно и хорошо известно, что человек начинается не со свободы, но с предела, с линии непреодолимого» [1]. Таким образом, именно безумие становится хранилищем смысла.

Возникает вопрос, не попади человек в такую ситуацию вынужденной внутренней раздвоенности, разобщенности смысла, стал бы он подвержен болезненному невротическому состоянию? Или же виной всему возникшая дисгармония, пропасть между Я и Бессознательным? Наибольшая опасность современной эпохи коренится не в природе, не в технике, но в самом человеке, психологии индивида и особенно психологии массы, которая приобретает совершенно уникальное значение, вытесняя отдельное Я, как внутреннюю целостность, как микрокосм, на месте человека появляется пустота, выраженная как обобщенная толпа - неоднородная и неконтролируемая бессознательная структура.

Отсутствие душевной гармонии (которую на раннем этапе развития, например, в античности, человек находил в единении с природой и миром посредством мифологем), вытесненной тотальной рационализацией, тотальным логосом, потребительским отношением к миру, человек вынужден восполнять, придумывая собственные призрачные цели, собственных «демонов», как их назовет Юнг, разрушающих человеческую психику. Человек ищет новые смыслы в самом себе, ибо вовне они иссякли, он вынужден все более погружаться в себя, как в некоего «Другого», но стремясь таким путем к внутреннему единению, он получает противоположный результат.

Таким образом, можем ли мы сказать, что безумие — это следствие прогресса, болезнь всего общества в целом, выражающая внутреннюю неудовлетворенность все более нарастающими и укрепляющимися рамками, которые устанавливает цивилизация?

Изначально, в парадигме традиции, безумие рассматривалось шире, чем любые рассудочные модели. Человек еще ощущает свою целостность, гармоническую вписанность в окружающий мир, безумие рассматривается не как болезнь, а как положительная характеристика, безумец остановится хранителем тайны, человеком, преодолевшим пределы и границы логоса, познавшим свое сакральное предназначение. Не разум ведет человека к

мудрости, но безумие, как сакральное начало в человеке.

Средние века «снимают» безумие с его пьедестала. Оно более не превосходит разум, но соотносится с ним, становится одной из его форм, безумие и разум становятся мерой друг друга. Если в античности безумие было даром богов, то теперь оно становится наказанием, ниспосланным Богом на человека за грехи, открывающим его ничтожность для осмеяния и назидания, урока.

«Безумие перестаёт быть привычной и непостижимой чуждостью мироздания; оно – всего лишь зрелище, давно утратившее новизну для чуждого ему зрителя; оно уже не образ универсума (cosmos), но характерная черта века (aevum). Критическое сознание, получив исключительные преимущества и права, заслонило собой трагический, космический опыт безумия.» [1]

Если с переходом к Возрождению бурное развитие искусства, внутренний гений человека, разрывающий все возможные оковы, выпускает безумие на свободу, дает ему голос, как источнику творческих сил, единственному пути постичь нечто, выходящее за пределы умопостигаемого, рационального мира, то классическая эпоха вновь садит безумие «под замок», оно становится главным врагом истины. Безумец не способен на адекватное постижение реальности, он пребывает как бы в состоянии постоянного сна, безумие уже не наказание свыше, но болезнь, грозящая опасностью для остального «нормального» общества. Окружающий мир становится миром чувств, эмпирически постигаемых объектов, человеку уже не нужно выходить за границы собственного Я, чтобы познать некую сакральную истину. Происходит резкий парадигмальный переворот, безумие становится обобщенным синонимом всего осуждаемого, порицаемого, тайного, дурного, проявлением «темной глубины» в человеке. Безумец приравнивается к преступнику, он опасен и единственное, что мы можем сделать — изолировать его. Однако социальная практика изоляции неразумия лишает безумие присущего ему места в культуре.

Наконец, в 19 веке безумие начинает рассматриваться как психическое расстройство, безумцы превращаются в больных. Важнейшую роль начинает играть взгляд психиатра, авторитет врача возвышается до уровня «отца» для пациентов. Научная психиатрия, психоанализ как бы вскрывает внутренний мир безумия, выходит с ним на «диалог», наделяя его все новыми и новыми чертами. В результате Фуко приходит к фундаментальному выводу о том, что безумия как такового, как болезни, до 19 века не существовало. Он стремится показать, что психиатрия не просто стала по-новому изучать психические болезни, но что она создала их. С точки зрения Фуко, подобный вывод вполне правомерен. Он не признает казалось бы очевидного положения, что раз человек обладает такой функцией, как сознание, то должна быть и дисфункция — безумие. Именно против таких представлений выступает Фуко. Он настаивает на том, что 19 век породил в культуре необходимость создания такого образа психического отклонения, которое указывало бы на проявление нашей сущности, пути к ее разгадке.

Фуко указывает на то, что вместе с формированием представлений о безумии и психической болезни происходит формирование представления о человеке, как человеке отчужденном, отчужденном посредством безумия от его индивидуальной сущности. Безумие отчуждает человека, но тем самым ведет к познанию собственной сути, вскрывает истину о человеке, таящуюся в «тайниках» его сознания. Безумие открывает нам взгляд на внутренний мир человека, показывая, что не только внутренний мир безумца полон дурных склонностей и тайных желаний, но и внутренний мир каждого человека, с той лишь разницей, что вырвавшись из-под контроля, бессознательные интенции делают поведение психически больного несовместимым с общественными нормами и требованиями морали. Безумие бесспорно есть проявление «дна», темной глубины, присутствующей в каждом человеке. Но оно притягательно не только своей таинственностью, своей определенной свободой, но и другой своей стороной, ведь как вещает нам наследие античности, безумие —

не только тьма, но и знание. Знание прежде всего потому, что все нелепые образы безумия на самом деле являются частью определенного труднодостижимого, скрытого от всех, сакрального знания.

«Хранителем этого знания, столь недоступного и столь устрашающего, выступает Дурак в своей простоте и невинности. Если человек разумный и мудрый различает лишь разрозненные – и оттого ещё более тревожные – его образы, то Дурак несёт его всё целиком».
[1]

Список используемой литературы:

1. Фуко М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко — Спб.: Университетская книга, 1997.- 604 с.
2. Юнг К.Г., Фуко М. Матрица безумия / К.Г. Юнг, М.Фуко — М.: Алгоритм, 2006.
3. М. Фуко Безумие и общество